

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 338

«Ценность» как требование к качеству современного политического исследования (Часть вторая)

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

Публикация представляет собой вторую часть (окончание) исследования, посвященного выяснению причин повышенного интереса отечественного научно-экспертного сообщества к использованию понятия «ценность исследования» в качестве инструмента экспертизы качества научной продукции. В этой части публикации анализируются препятствия, которые на пути научного поиска и на пути экспертизы результатов такого поиска создает требование к эксперту точно установить, что в исследовании, несомненно, актуальном, новом, а также практически и теоретически значимом, может в дополнение к указанным критериям качества послужить свидетельством его особой «ценности» для мировой и отечественной науки. В статье предложен способ, как превратить критерий «научной ценности» из предмета разногласий между исследователем и экспертом в предмет их соглашения по поводу смысла и порядка проведения научной экспертизы.

Ключевые слова: научная экспертиза, критерии качества научного исследования, ценность научного исследования.

Поступила в редакцию: 13.03.2020 / Принята: 18.03.2020 / Опубликовано: 01.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

“Value” as a Prerequisite to the Quality of Modern Political Science Research (Part Two)

N. I. Shestov

Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

The article is the second part (a continuation) of the research aimed at defining reasons of heightened interest of Russian academia to using the notion “value of a study” as a tool of evaluation the quality of scholarly product. In this part, the author analyzes hindrances caused by demands to experts to specify what exactly makes a new, topical, theoretically and practically significant research “valuable” in terms of world and domestic science. A way is offered how to turn this criterion of “scholarly value” from point of contention between a scholar and an expert into a subject of their agreement over the sense and procedure of scholarly expertise.

Keywords: scholarly expertise, criteria of quality of research, value of research.

Received: 13.03.2020 / Accepted: 18.03.2020 / Published: 01.06.2020

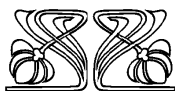
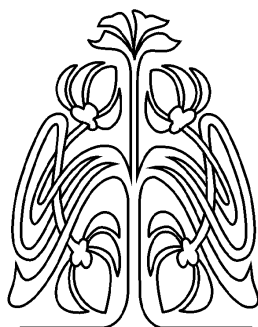
This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-188-195>

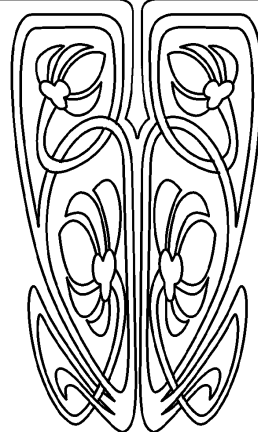
Окончание. Начало см.: Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 52–58.

Недостающее звено

Многим отечественным исследователям, и не только гуманитариям, сегодня критерий «ценность научного исследования» пред-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ставляется как раз тем «недостающим» звеном в технологии научной экспертизы, взявшись за которое, сегодня можно всю экспертную работу, а также саму научно-исследовательскую работу поднять на качественно более высокий уровень – тот, который часто именуют «мировым уровнем». Общепринятые сегодня индикаторы качества научного исследования – «актуальность», «цель и задачи», «методология», «новизна», «гипотеза», «теоретическая и практическая значимость» – по-разному работают в зависимости от того, с какого рода научным текстом имеет дело эксперт¹. Естественно, что требования к изложению, например, «актуальности» или «методологии» в диссертации или тезисах научного доклада будут разными.

Здесь же речь идет о критерии, на основании которого эксперт мог бы достоверно судить о достоинствах и недостатках самой по себе научной идеи, вне зависимости от того, в научный текст какого формата и объема она помещена своим создателем: в диссертацию, монографию, научную статью или тезисы научного доклада. В идеале у эксперта должна появиться возможность одним словосочетанием или даже просто одним словом выразить всю гамму своих позитивных и негативных впечатлений от знакомства с конкретным научным текстом и тем определить судьбу научной идеи и ее автора.

Насколько оправданы эти расчеты на формулировку «ценность научного исследования», если посмотреть на них с точки зрения намерения специалистов получить предельно простой, всеобъемлющий и, главное, четко работающий индикатор для определения достоинств и недостатков научного текста? Польза для экспертизы от введения в научный оборот такого универсального индикатора качества исследовательской работы очевидна. Не очевидна практическая польза от использования в роли такого индикатора формулировки «ценность научного исследования».

К выбору формулировки «ценность научного исследования» на роль «критерия всех критериев» исследователей сегодня подталкивают, как представляется, два обстоятельства.

Наверное, привлекательна сама по себе его метафизичность. Действительно, с какой точки зрения, материалистической или идеалистической, позитивистской или постмодернистской, естественнонаучной или гуманитарной, ни посмотри, ничего вокруг нас нет выше (можно сказать, сакральнее) того, что современные науки обозначают понятием «ценность». И «актуальность», и «достоверность», и даже «новизна» – все это, образно выражаясь, «физика» научной работы исследователя и научного текста, им написанного. Это то, что изначально допускает возможность и даже необходимость споров между авторами и экспертами и даже между самими экспертами по поводу деталей исследования

(нередко деталей формальных). Понятие «ценность» ориентирует всех без исключения участников экспертной процедуры на восприятие научного продукта либо как чего-то совершенно и неоспоримо уникального по своему качеству, либо, напротив, как чего-то столь же неоспоримо ненаучного.

Переходу обсуждения отечественными специалистами экспертного потенциала формулировки «ценность научного исследования» в плоскость конкретных научных разработок и предложений подействовала терминология нормативных документов ВАК РФ. Особенно тех, которые определяют порядок проведения научной экспертизы кандидатских и докторских диссертаций. Так повелось с советского времени, что для отечественных исследователей и экспертов официальные формальные требования к диссертациям являются в то же время значимым ориентиром в их работе и с другими научными текстами: статьями, монографиями и докладами.

В «Положении о порядке присуждения ученых степеней»², например, присутствует такая формулировка: «16. Организация, где выполнялась диссертация, дает заключение по диссертации... В заключении отражаются личное участие соискателя ученой степени в получении результатов, изложенных в диссертации, степень достоверности результатов проведенных соискателем ученой степени исследований, их новизна и практическая значимость, **ценность научных работ соискателя ученой степени** (здесь и далее выделено нами. – Н. Ш.)...»³.

Далее в том же документе сказано: «23. Оппонент на основе изучения диссертации и опубликованных работ по теме диссертации представляет в диссертационный совет письменный отзыв на диссертацию, в котором **оцениваются** актуальность избранной темы, степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций...»⁴.

Следующий пункт гласит: «24. При принятии диссертации к защите диссертационный совет назначает по диссертации организацию (с ее согласия), широко известную своими достижениями в соответствующей отрасли науки и способную определить **научную и (или) практическую ценность** диссертации...»⁵.

В разделе «II. Критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней» задача экспертов, а также и самого диссертанта сформулирована еще более конкретно: «10. <...> Предложенные автором диссертации решения должны быть аргументированы и **оценены** по сравнению с другими известными решениями»⁶.

Контекст, в котором фигурируют понятия «ценность» и «оценены», вполне допускает, что авторы документа заботились о его стиле и пытались разнообразить его терминологию. Понятия «ценность» и «оценены» в данном случае без из-

менения первоначального смысла текста можно было бы заменить понятиями «значимость» и «сопоставлены». И два последних понятия, возможно, даже более точно определяли бы суть того, что нормативный документ, процитированный выше, требует от автора научного текста и эксперта.

Создатели документа, вполне вероятно, изначально не собирались делать «ценность» специальным критерием в ряду прочих критериев качества научной продукции. Но по факту именно это и произошло. Лексика нормативного документа обязывает его исполнителей не меньше его смысла. Невнимание исследователя (особенно диссертанта) и эксперта к деталям формулировок и терминологии нормативного документа, может, при известных обстоятельствах, свести на нет все их творческие усилия, стать причиной непризнания соответствующими высшими экспертными инстанциями результатов их совместной работы над научным текстом.

Оправдана в этой связи чуткость, с которой российское научное сообщество откликнулось на идею не мельчить с характеристиками качества научной продукции, а эту продукцию «оценивать», как и все на современном рынке образовательных и научных услуг. Главное достоинство формулировки «ценность научного исследования» в качестве инструмента научной экспертизы – это ее применимость в разных науках, как гуманитарных, так и точных, и естественных, и для анализа содержания самых разных научных текстов. В идеале эта формулировка должна поднять экспертную работу в отечественной науке на надотраслевой уровень. Она должна позволить всему экспертному сообществу в нашей стране говорить на одном языке и видеть достижения и просчеты отдельных, например, политологов в контексте общего состояния российской науки.

Тем не менее, вернемся к уже поставленному вопросу: насколько оправданы ожидания специалистов, что включение в экспертный дискурс формулировки «ценность научного исследования» выведет научно-исследовательскую и экспертную работу на качественно более высокий уровень?

Ключевая неопределенность

Дискуссии последних лет о лучших способах установления «ценности» научной продукции наглядно показывают, что чем дальше, тем больше формулировка «ценность научного исследования» приобретает в технологии экспертизы свойство ключевой неопределенности. То есть вместо того чтобы упростить исследователям и экспертам работу и взаимопонимание, эта новация привносит в них новые теоретические и практические трудности. Вместо того чтобы сделать процедуру экспертизы более строгой, она открывает эксперту возможность довериться

своим впечатлениям от знакомства с научным текстом.

Неопределенность обнаруживает себя и в смысле понятия «ценность», когда оно применяется для характеристики результатов научной работы, и в том, как специалисты сегодня представляют себе связи данного нового и универсального индикатора качества научного текста с другими, традиционными для отечественной науки критериями определения этого качества.

В. А. Петровский, например, предлагает читателю своей публикации считать свидетельством «ценности» научного исследования его результаты⁷. Точнее, «меру» их «информативности», «нетривиальности» и «значимости» для удовлетворения нынешних информационных запросов потребителей научной продукции. Подход автора к решению задачи внешне прост, но не бесспорен, если исходить из соображений практического применения. С одной стороны, сами по себе понятия «мера» «информативности», «нетривиальности», «значимости», с философской точки зрения, не являются понятиями со строго фиксированным смыслом. С другой стороны (если иметь в виду предназначенность формулировки «ценность научного исследования» для вывода технологии экспертизы на надотраслевой уровень), восторг эксперта-математика по поводу «нетривиального» решения теоретической задачи вполне может разделить, например, философ. Восторг социолога будет ожидаемо меньше, как и позитивная реакция эксперта-политолога. «Ценность» такого нетривиального решения социологической либо политологической задачи станет очевидной лишь по следам многократной практической апробации предложенного теоретического новшества, а также по следам практической востребованности результатов решения наукой, политикой, экономикой, правом и т. д.

У эксперта-историка попытка коллеги представить политические события и явления в «нетривиальном» виде вызовет, скорее всего, негативную реакцию. Он отождествит ее с покушением на «историческую правду», добытую десятками поколений отечественных и зарубежных историков. Он будет видеть в ней стремление протащить в науку идею «альтернативной истории». Заметим, все попытки сторонников постмодернистской философии навязать гуманитариям обязательный «нетривиальный» взгляд на предмет и метод их творческой работы пока что, когда дело доходит до конкретных исследований, встречают стойкое скептическое отношение со стороны большинства профессионалов.

С чем особенно можно поспорить, так это с тем, как В. А. Петровский предлагает осуществлять замер «нетривиальности» научной продукции. Делать это нужно, по его мнению, путем сравнения результатов, полученных исследователем, с «типичными представлениями людей». Сравнение же должны выполнять некие «неза-

висимые эксперты» независимо друг от друга. «Нетривиальным» упомянутые эксперты должны признать, по мнению автора, тот результат, который не соответствует ожиданиям и предположениям людей, «исходящим из житейских наблюдений, здравого смысла, традиционных представлений...»⁸.

Иначе говоря, по мнению В. А. Петровского, шанс быть высоко оцененным должен иметь только тот продукт творчества ученого, который способен повергнуть современников в шок. Если он, этот результат, хоть чуть-чуть соответствует человеческому здравому смыслу и традиционным представлениям (для традиционных научных представлений современных людей, заметим, автор тоже не делает исключения), то мера его нетривиальности, а вместе с этим и «ценности» для науки и практики будет значительно меньше. Спасительным для ученого, как следует из рассматриваемых рекомендаций, должно быть соответствие его творческого результата «нетипичным» представлениям людей об окружающем их мире. Все эти рекомендации хорошо вписываются в «глобальный тренд толерантности». Вместе с тем их трудно связать с задачей любой отрасли современной науки решать множество типичных проблем повседневной жизни людей на основе их столь же типичных представлений об окружающем мире.

Политология по определению наука социальная. Она не перестает быть наукой оттого, что решает задачи, например, оптимизации электоральных технологий и воспитания граждан в патриотическом духе на основе «типичных» представлений российских граждан о свойствах и правилах либерально-демократической политики, а также на основе столь же «типичных» претензий к этой политике со стороны граждан. Политологи находят разные решения этих задач оптимизации, но в научном поиске ориентируются вовсе не на «нетривиальность», шокирующую обывателей и «независимых экспертов» (опять же вопрос: от чего или от кого эти «эксперты» независимы настолько, чтобы разбираться в соответствующей научной проблематике лучше профессиональных исследователей, когда те выступают в роли экспертов?), а на рациональность, а также на моральную и практическую приемлемость своих научных рекомендаций для своих же сограждан. Это подход, рассчитанный на, так сказать, «качественный метод выявления ценности научного исследования».

Другой разработчик «ценностной» методики научной экспертизы, В. А. Рач, предлагает поставить ее на более прочную основу математической статистики⁹. Иначе говоря – от качественных подходов к выявлению меры «ценности» научного труда перейти к количественным замерам. Предложение привлекательное, но оно требует от эксперта использования той самой более или менее широкой шкалы критериев, от

«актуальности» до «практической значимости». Тогда как на сегодняшний день весь практический смысл включения в технологию научной экспертизы понятия «ценность», если верить сторонникам такой инициативы, состоит именно в том, чтобы эксперт мог уйти от использования шкалы этих критериев.

В. А. Рач утверждает, что эксперту для признания научного труда «ценным» необходима его «целостная оценка». Исходить эта оценка должна из характеристики экспертом «величины вклада в объект исследования в виде результата решения проблемы», а «величина вклада» должна быть результатом последовательной характеристики экспертом «актуальности», «новизны», «методологии», «цели и задач», «теоретической и практической значимости», «аргументированности» авторских выводов¹⁰. Ключевое новшество, которое, по мнению автора, должно сделать «ценность» всеобъемлющей, объективной и универсальной характеристикой вклада ученого в свою науку, состоит в том, чтобы заменить суждения экспертов об «актуальности», «новизне» и т. д. по принципу «хорошо/плохо» дробной шкалой процентов, на основании которых потом ученому за его достижения начисляются баллы. Возможно, для распределения денег внутри исследовательского коллектива грантополучателей такая технология еще может пригодиться. Для научной же экспертизы решение проблемы ее объективности путем усложненных манипуляций с процентами и баллами не выглядит удачным.

В. С. Либенсон в своей публикации предлагает вариант соединения классно-оценочно-балльной методики выявления «ценности» любого научного труда с качественной его характеристикой, ориентированной на «нетривиальность»¹¹. Автор разумно предлагает не смешивать фундаментальные теоретические исследования с прикладными, описательные тексты с заявками на новые исследовательские предметные области и проводить замеры качества научных текстов по процентам и баллам внутри каждого отдельного «класса» научных текстов. В науке, как утверждает автор, «ценность полученной информации отнюдь не тождественна ее утилитарной полезности»¹². А значит, главной «характеристикой ценности научной информации является ее новизна» (!)¹³. «Произведение баллов “за класс” на баллы “за новизну”, – утверждает автор этой новации в технологии научной экспертизы, – и есть условная числовая характеристика ценности научной работы»¹⁴.

Свой выбор в пользу отождествления «ценности» с «новизной», а не каким-либо другим критерием качества современного научного труда автор объясняет просто: «новизна» научной информации подразумевает, что она «уменьшает неопределенность» в наших представлениях о мире и человеке и является для нас «неожидан-

ной»¹⁵. Если судить о проблеме с позиции «идеала научности», то, наверное, так оно и есть.

Но, важно заметить, автор рассматриваемой публикации претендует на создание практически работающей технологии научной экспертизы. Получается тогда, что новыми принципиально не могут быть признаны результаты такого научного исследования, которое увеличивает неопределенность в представлениях людей о мире и о себе. А таких исследований очень много. И без них, тех, в которых исследователи формулируют в виде гипотез заявки на переход своей науки от определенных и устоявшихся представлений к неопределенным, а потому еще пока неустойчивым, развитие современной науки представляется невозможным. Сегодня в разряд «не новых», а потому для науки и общества «не ценных» попали бы, наверное, многие серьезные труды отечественных и зарубежных специалистов по этногенетике, пока что только увеличивающие неопределенность научных представлений о происхождении и последующем историческом взаимодействии различных групп людей на Земле. Сюда, по логике автора, следовало бы включить также труды астрофизиков, занимающихся сегодня изучением крайне неопределенного объекта с условным названием «темная материя» и «темная энергия». Но специалисты в соответствующих областях знания, напротив, уверены, что именно такого рода исследования обозначают передовую край развития современной науки.

С. А. Прокопенко в статье с говорящим названием «Смысл и значение диссертации» предлагает считать новизну, обоснованность, достоверность, системность признаками «особой научной значимости» любого диссертационного исследования¹⁶. Такое предложение, если рассуждать логически, допускает возможность присутствия в тексте диссертации еще чего-то «ценного», но «не особенно ценного» – того, что, согласно той же логике, требует от эксперта иного применения критериев, упомянутых автором, либо использования каких-то других критериев.

Член-корреспондент РАО В. М. Полонский в своей публикации предлагает связать смысл и функциональность формулировки «ценность научного исследования» со смыслом и функциональностью критерия «теоретическая значимость исследования»¹⁷. Автор полагает, что этот критерий полнее всего характеризует «ценностную сторону результатов исследования». Академик, предвзято возмущаясь вопросом относительно выбора связи именно этих двух критериев (относительно невозможности связать, например, критерий «ценность» с критерием «актуальность»), делает пояснение: критерий «теоретическая актуальность»¹⁸, в отличие от критерия «актуальность», характеризует «готовый продукт исследования».

Аргумент убедительный, но почему бы тогда не связать «ценность» научного исследования

и с его «практической значимостью»? Тем более что речь в рассматриваемой публикации идет об экспертизе научных работ по педагогической науке. Понятно, что критерий «теоретическая значимость» выглядит более фундаментально, особенно применительно к экспертизе диссертаций. Тем не менее, в истории науки бывало так, что в полной мере «теоретическую значимость» конкретной научной работы или целого научного направления научное сообщество, сограждане по достоинству оценивали лишь по прошествии многих лет. Даже если «практическая значимость» научного достижения была им более-менее очевидна. Практическая сторона, например, научной селекционной работы, основанной на представлениях о наследовании живыми организмами полезных и вредных признаков, была понятна специалистам давно. Десятилетия понадобились для признания того вклада, который ученые-генетики сделали в теорию селекционной работы. В истории педагогики тоже есть примеры того (пример с педагогическими экспериментами А. С. Макаренко в этом отношении показателен), как общество признавало практические результаты опытной работы педагога, но на протяжении многих лет и даже десятилетий отказывалось видеть в этом опыте теоретическое достижение.

В такой ситуации утешение начинающему исследователю-политологу, который старается уложиться в сроки подготовки диссертации, можно найти в словах автора одной из публикаций, который (ссылаясь на слова Ж.-Б. Ламарка, что лучше подвергнуть длительным испытаниям открытую истину, лишая ее заслуженного внимания, чем допустить легкомысленное признание всего, что создается «воображением человека») оптимистично заключает: «В истории науки немало примеров, когда фундаментальные открытия признавались общественностью только после смерти авторов»¹⁹. Звучит как совет соискателя ученых степеней сегодня не спешить с защитой своих диссертаций!

Если вернуться к проблеме экспертизы диссертаций, то предложение судить об их «ценности» на основании их «теоретической значимости» фактически ставит и эксперта, и диссертанта в сложное положение. Кандидатская или магистерская квалификационные работы, согласно ныне действующим требованиям к ним ВАК РФ, не предполагают значительного вклада их авторов в теорию своей науки. Добросовестный эксперт в такой ситуации должен самостоятельно домысливать теоретическую значимость труда своего молодого коллеги, чтобы открыть ему путь в науку. Диссертанту же остается лишь надеяться на удачу, что когда-нибудь его прикладное исследование признают «теоретически значимым», а потому и «научно ценным».

У специалистов в области прикладных технических исследований есть свое представление о том, каким образом определять их «ценность».

Например, сайт «Энциклопедия по машиностроению XXI»²⁰ рекомендует своим пользователям руководствоваться представлением, что «ценность это оценка» результатов исследования, что это оценка его «новизны», а последняя зависит от того, насколько новые результаты работы ученого «меняют имеющиеся представления об окружающем мире»²¹. Иначе говоря, инженер, даже если он создает действительно новую технологию строительства или же обработки материалов, не может претендовать на признание результатов своих трудов «ценными» для науки и практики. Ему необходимо для признания совершить в области своей науки ни больше ни меньше как переход от старой к новой научной парадигме. Иначе говоря, стать, пользуясь общеизвестной в среде политологов терминологией Т. Куна, инициатором новой «научной революции»!

Автор одной из интернет-публикаций на интересующую нас тему предлагает, ссылаясь на труды Г. П. Выжлецова, более простой вариант определения «ценности» научной продукции, не предполагающий необходимости совершения научной революции каждый раз, когда защищается диссертация или публикуется научная статья. С его точки зрения, «ценность» является «единством средства и цели»²², иначе говоря – единством научного предмета и метода исследования. То есть достаточным, с точки зрения автора, критерием «ценности», например, политического исследования, является согласованность в нем предмета и метода, обеспечивающая достоверный результат. К своему простому решению автор вместе с тем делает важную поправку, сводящую на нет всю экспертную прагматичность его подхода. О «ценности» научного исследования, считает он, можно рассуждать лишь тогда, когда оно направлено на достижение «желаемой цели, становящейся идеалом»²³.

Таким образом, достижение диссертантом или автором научной публикации неких промежуточных результатов в изучении большой и сложной политической или какой-либо иной проблемы не сделает его труд «ценным» по определению. Все у них будет хорошо только в том случае, если они поставят перед собой цель собственными творческими усилиями довести решение конкретной научной проблемы или комплекса проблем до состояния «идеала».

Экономист Б. Б. Леонтьев справедливо, на наш взгляд, не разделяет такого оптимизма²⁴. Он приводит доводы в пользу того, что дожидаться признания у своих коллег ученому, может быть, не суждено никогда. Просто потому, что даже в границах одной научной дисциплины то, чем занимается один исследователь, не всегда может быть понятно его коллегам на том уровне, чтобы они могли его рассматривать в качестве неоспоримого вклада в науку. В научном мире, замечает автор, «свои идеи чаще переоцениваются, чужие обычно недооцениваются. <...> Ценность

своих и чужих идей чаще всего воспринимается весьма и весьма субъективно»²⁵. И продолжает: «...когда оказывается, что прежние догадки об этих новых фактах и взаимосвязях в природе со временем не опровергаются, а подтверждаются и, более того, становятся доказанными и их начинают поддерживать коллеги, то нередко «первооткрывателем» этого нового знания вдруг становится кто-то более влиятельный, более известный или более предприимчивый»²⁶.

Еще более критичный, в определенном смысле провокационный, взгляд на саму возможность каким-либо образом оценить качество научной продукции предлагает читателю своей публикации Ричард Фейнман²⁷. Он категорически отрицает, что вопрос «ценности» научного исследования является предметом изучения самой науки. Что из плодов научного творчества «ценно», а что нет, решают люди, на практике пользующиеся этими плодами. С точки зрения самой науки, полагает автор, мера «ценности» ее плодов определяется тем «интеллектуальным удовольствием», которое они доставляют своим создателям²⁸. В случае с научной экспертизой мерилom «ценности» должно быть, вероятно, то удовольствие, которое от прочтения текста своего коллеги получает эксперт.

Разнообразие точек зрения ученых на такой важный предмет, каким являются критерии для определения качества того или иного научного исследования, само по себе естественно. Я привел лишь некоторые примеры этих точек зрения. Прежде всего, те, с которыми начинающий политолог-исследователь с наибольшей вероятностью может познакомиться в Интернете. Даже эти немногочисленные примеры позволяют уловить суть основной трудности с внедрением сегодня критерия «ценность научного исследования» в практику научной экспертизы.

Авторы различных предложений по использованию этого критерия в качестве универсального основания научной экспертизы отталкиваются либо от представлений о свойствах «современной науки вообще». То есть решают проблему критериев научной экспертизы относительно к специфическим условиям развития отдельных направлений научного знания и еще более специфическим теоретическим и практическим задачам, которые сегодня решают различные науки. Либо они пытаются свои впечатления, вынесенные из собственной исследовательской и экспертной практики в рамках конкретного научного направления, распространить на все направления работы современных ученых. Либо они хотят наполнить понятие «ценность» максимально широким философским смыслом. Либо делают из него арифметическую (в полном смысле слова, поскольку речь идет в том числе об использовании количественных индикаторов) сумму результатов использования других количественных и качественных критериев.

Речь идет, по сути, о том, чтобы сложную теоретическую и практическую задачу сформулировать и решить «в одно действие». Представляется, что при наличии большого разброса мнений специалистов, а также при отсутствии более или менее репрезентативного массива сопоставимых данных по практике применения критерия «ценности» отечественными экспертами такой способ решения задачи не является оптимальным. Можно сослаться на советский опыт решения сходных задач таким же способом. Советская наука, например, многие десятилетия своего развития именно таким порядком пыталась найти место критерию «партийность научного исследования» в ряду других критериев его качества. За все это время советские теоретики так и не пришли к четкому пониманию того, что такое эта «партийность» применительно к конкретным научным исследованиям по гуманитарной и не гуманитарной тематике. Не пришли к ясности в вопросе о том, как «партийность» в научном исследовании соотносится с его «объективностью».

Решение «в одно действие» проблемы «ценного» содержания научного текста ожидаемо, как это уже было в случае с «партийностью», будет иметь результатом закрепление за формулировкой «ценность научного исследования» в составе технологичной научной экспертизы статуса метафоры. Метафоры, которая позволит эксперту субъективно оценивать качество конкретного научного текста, даже если объективно его оформление, структура и научное содержание безупречны, еще и на предмет его соответствия «требованиям момента» и «духу времени» (т. е. политической, экономической, правовой и собственно научной конъюнктуры). В таком случае эксперт может прямо перейти к идеологическим оценкам личности исследователя и содержания его труда. Это, надо заметить, уже было прежде в истории отечественной науки. Либо, избегая прямых аллюзий с какой-либо идеологией, написать в экспертном заключении пару общих фраз. Так, как это относительно недавно пришлось сделать мне. В тексте «Заключения» ведущей организации по одной из кандидатских диссертаций по политологии (в соответствии с требованиями со стороны диссертационного совета, в котором была намечена защита диссертации, высказаться по поводу ее «ценности») я вынужден был написать: «... ценность диссертации определяется тем, что ее автор заявляет себя и ответственным исследователем, и ответственным гражданином, и вносит свой посильный вклад в прогресс российских государства и общества». Как показала успешная защита, такой вариант, в принципе, всех устроил.

Возможен ли иной вариант решения задачи, не основанный на манипуляциях с научным дискурсом? Вероятно, возможен. Но он потребует уже не пересмотра теоретических основ экс-

пертизы, а самого ее, привычного нам сегодня, организационного порядка. При трудностях с использованием какого-то одного, «единственно научного» толкования формулировки «ценность научного исследования» автор этого исследования и его эксперт никем и ничем не ограничены в своих возможностях заранее, еще на этапе разработки программы научного исследования, договариваться между собой. В частности, о том, что именно в будущем исследовании считать «ценным» и по каким признакам эту «ценность» обнаруживать в тексте, подготовленном для публикации либо для публичной защиты. Это значит, что эксперту придется выступать, наряду с научным руководителем, в роли одного из организаторов исследовательского процесса и его контролера на всем его протяжении.

Это совсем другая, по сути, стратегия научно-исследовательской работы и участия эксперта в ней, чем принятая сегодня. Она, эта новая стратегия, подразумевает иную меру зависимости исследователя от своего потенциального эксперта в предложении новых идей и решений. Она подразумевает и иную, гораздо большую, чем сейчас, меру ответственности эксперта за собственные рекомендации исследователю и те просчеты в работе последнего, которые он изначально по каким-то причинам не заметил и не предотвратил. Представляется, что к такому радикальному пересмотру всей стратегии экспертной работы научное сообщество, в том числе сообщество отечественных политологов, в настоящий момент не готово. Хотя ничто, в принципе, не мешает ему поставить перед собой задачу такую подготовку провести. Это потребует немалых сил и времени, что само по себе делает актуальным вопрос практического смысла такого мероприятия. Намного лучше для качества научной экспертизы, как представляется, просто договориться, на уровне экспертного и исследовательского сообществ, о научной некорректности и недостаточной этичности использования в строгих процедурах научной экспертизы критерия с заведомо мало кому понятным, а потому допускающим недобросовестные толкования смыслом.

Творческую же активность сторонников терминологических новаций в научной экспертизе направить на решение иных, более практически важных задач. Например, на решение вопроса о том, каким образом при проведении исследований (особенно по гуманитарной тематике) и их последующей экспертизе не разрушить и без того сегодня тонкую границу, традиционно отделяющую труд ученого от труда богослова. Те изменения, которые сегодня происходят в системе государственной аттестации научных кадров и связаны с включением богословия в ряд научных дисциплин, потенциально допускают возможность утраты четкости этих границ в сознании следующих поколений рос-

сийских ученых. А это принципиально изменит и качество научных исследований, и саму технологию их научной экспертизы. К такому вероятному повороту событий экспертное сообщество (сегодня больше занятое поиском способов «повысить уровень требований» к исследователям, особенно начинающим), как представляется, не очень готово.

Примечания

- 1 См.: Вилков А. А. К проблеме субъективизма в оценивании политологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 65–70. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-65-70
- 2 См.: О порядке присуждения ученых степеней (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») : постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 01.10.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 См.: Петровский В. А. Определение ценности исследований : Научное звание сквозь призму обыденного. URL: <http://solium.ru/forum/showthread.php?t=2886> (дата обращения: 30.09.2019).
- 8 Там же.
- 9 См.: Рач В. А. Научная ценность диссертационных исследований и пути ее повышения в области управления проектами и программами. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-tsennost-dissertatsionnyh-issledovaniy-i-puti-ee-povysheniya-v-oblasti-upravleniya-proektami-i-programmami> (дата обращения: 30.09.2019).
- 10 Там же.
- 11 См.: Либенсон В. С. Шкала для оценки значимости научных работ. URL: <http://science.uw.ru/> (дата обращения: 30.09.2019).
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 См.: Прокопенко С. А. Смысл и значение диссертации // Философия образования. 2019. Т. 19, № 2. С. 186–206.
- 17 См.: Полонский В. М. Критерии оценки качества и методы определения новизны результатов научно-педагогических исследований. URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1567 (дата обращения: 31.09.2019).
- 18 Там же.
- 19 Определение ценностей современной науки // VIPERSON : [сайт]. URL: <http://viperson.ru/articles/opredelenie-tsennostey-sovremennoy-nauki> (дата обращения: 31.09.2019).
- 20 См.: Научная ценность исследований // Энциклопедия по машиностроению XXL. С. 194. URL: <https://mash-xxl.info/info/158747/> (дата обращения: 31.09.2019).
- 21 Там же.
- 22 Определение ценностей современной науки.
- 23 Там же.
- 24 См.: Леонтьев Б. Б. Как в российской науке идентифицировать научные открытия // Правовая информатика. 2013. № 4. С. 32–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-v-rossiyskoy-nauke-identifitsirovat-nauchnye-otkrytiya> (дата обращения: 02.10.2019).
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 См.: Фейнман Р. Из всех ее ценностей наивысшей должна быть привилегия сомневаться. URL: <https://scientifically.info/news/2014-09-20-2935> (дата обращения: 02.10.2019).
- 28 Там же.

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. «Ценность» как требование к качеству современного политического исследования (Часть вторая) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 188–195. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-188-195>

Cite this article as:

Shestov N. I. “Value” as a Prerequisite to the Quality of Modern Political Science Research (Part Two). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 188–195 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-188-195>